

Калоши счастья

Автор:

Ганс Андерсен

Калоши счастья

Ганс Христиан Андерсен

«Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой королевской площади. В одном доме собралось большое общество – иногда ведь приходится все-таки принимать гостей; зато, глядишь, и сам дождешься когда-нибудь приглашения. Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела за ломберные столы, другая же образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой. Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше средневековья. Советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества...»

Ганс Христиан Андерсен

Калоши счастья

1. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой королевской площади. В одном доме собралось большое общество – иногда ведь приходится

все-таки принимать гостей; зато, глядишь, и сам дождешься когда-нибудь приглашения. Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела за ломберные столы, другая же образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой. Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше средневековья. Советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведется этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновение, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши. Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая. На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли сюда в гости, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и движения, а платье отличалось каким-то особо смелым покроем. Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то, уж наверно, камеристкой одной из ее многочисленных камер-фрейлин и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары Счастья. Старшая казалась гораздо более серьезной – она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не поручая их никому: так, по крайней мере, она знала, что все наверняка будет сделано как следует.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Камеристка камер-фрейлины Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества и все в том же духе. Но зато в запасе у нее осталось нечто совершенно необыкновенное.

– Нужно тебе сказать, – закончила она, – что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место или в обстановку любой эпохи – куда он только пожелает, – и он, таким образом, сразу обретет счастье.

– Ты так думаешь? – отозвалась фея Печали. – Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от твоих калош.

– Ну, это мы еще посмотрим! – проговорила камеристка Счастья. – А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и станет счастливым.

Вот какой между ними произошел разговор.

2. Что произошло с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, все еще размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши Счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц не мостили.

– Ну и грязища! Просто ужас что такое! – пробормотал советник. – И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна еще не взошла, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке. На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел божью мать с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, – решил он, – а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах.

«Чего это они так вырядились? – подумал советник. – Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь палочками, а за ними шагали стражники с луками и арбалетами. По-видимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное духовное лицо. Изумленный советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

– Епископ Зеландский! – послышалось в ответ.

– Господи помилуй! Что еще такое приключилось с епископом? – вздохнул советник Кнап, грустно покачивая головой. – Нет, вряд ли это епископ.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шел по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого моста. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, – бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидело двое парней.

– Прикажете переправить вас на остров? – спросили они.

– На остров? – переспросил советник, не зная еще, что он теперь живет во время средневековья. – Мне нужно попасть в Христианову гавань, на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

– Скажите хотя бы, где мост? – продолжал советник. – Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше мог разобраться в чем-нибудь.

– Не понимаю я вашей борнхольмской тарабарщины! – рассердился он наконец и повернулся к ним спиной.

Но моста он все-таки не нашел; каменный парапет набережной исчез тоже. «Что делается! Вот безобразие!» – думал он. Да, никогда еще действительность не

казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. «Нет, лучше взять извозчика, – решил он. – Но, господи, куда же они все запропалились? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Новую королевскую площадь – там, наверное, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христианской гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна.

«Господи, что это здесь понастроили такое?» – изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далекие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую королевскую площадь, которая в те времена была просто большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, и он был пересечен не то широким каналом, не то рекой. На противоположном берегу расположились жалкие лавчонки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

– Боже мой! Или это мираж, фата-моргана, или я... господи... пьян? – застонал советник юстиции. – Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

– Да, конечно, я заболел, – вздыхал он, – а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься – угощать гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с агентшей. Вернуться разве к ним и рассказать, какая со мной приключилась беда? Нет, неудобно. Да они, уж пожалуй, давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

– Нет, это просто бред какой-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Все только старые, жалкие лачуги – можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо мое дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к агенту! Но, черт возьми, как мне найти его дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался.

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев – шкипера, копенгагенские бюргеры и еще какие-то люди, с виду ученые. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

– Простите, – сказал советник подошедшей к нему хозяйке, – мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христианской гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же все-таки он попал?

– Это вечерний «День»? – спросил он чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но все-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кельне.

– Антикварная картина! – сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился. – Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь ученые; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьезным видом:

– Вы, очевидно, крупный ученый, мосье?

– О нет, – ответил советник, – просто я могу поговорить о том о сем, как и всякий другой.

– Modestia[1 - скромность(лат.)] – прекраснейшая добродетель, – изрек его собеседник. – Впрочем, о сути вашего высказывания mihi secus videtur[2 - я другого мнения (лат.)], хотя и с удовольствием воздержусь пока высказывать мое собственное iudicium[3 - суждение (лат.)].

– Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? – осведомился советник.

– Я бакалавр богословия, – ответил тот.

Эти слова все объяснили советнику – незнакомец был одет в соответствии со своим ученым званием. «Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, – подумал он, – человек не от мира сего, каких еще можно встретить в отдаленных уголках Ютландии».

– Здесь, конечно, не locus docendi[4 - место ученых бесед (лат.)], – говорил богослов, – но я все-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

– О да! Вы правы, я частенько-таки прочитываю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории» (намек на «Обыкновенные истории» датской писательницы Гюллембург); их хватает и в жизни.

– Обыкновенные истории? – переспросил богослов.

– Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

– О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, – улыбнулся бакалавр. – Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными (Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что, прочитав роман о рыцарях Круглого стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближенному Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан, о которых говорится в этой книге, были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь

встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (Примечание Андерсена).

– Этих романов я еще не читал, – сказал советник юстиции. – Должно быть, это Хейберг что-нибудь новое выпустил?

– Нет, что вы, не Хейберг, а Готфред фон Гемен, – ответил бакалавр.

– Так вот кто автор! – воскликнул советник. – Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

– Да, он наш первопечатник! – подтвердил богослов.

Таким образом, пока что все шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей здесь несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идет о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и все чаще прерывался гробовой тишиной.

Добрый бакалавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным.

Собеседники смотрели друг на друга со все возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» – подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

– Давайте пить кларет, мед и бременское пиво! – закричал один из гостей. – И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике[5 - при короле Гансе, в 1495 году, был выпущен указ, по которому женщины легкого поведения должны носить чепчики бросающейся в глаза расцветки.]; они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

– Что же это такое? Что это такое? – шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми. Собутельники так на него насели, что бедный советник пришел в совершенное смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. Никогда в жизни советник не попадал в такую грубую и неотесанную компанию. «Можно подумать, – говорил он себе, – что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

скромность(лат.)

2

я другого мнения (лат.)

3

суждение (лат.)

4

место ученых бесед (лат.)

5

при короле Гансе, в 1495 году, был выпущен указ, по которому женщины легкого поведения должны носить чепчики бросающейся в глаза расцветки.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gans-hristian-andersen/kaloshi-schast-ya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)